

Именно такую «грудю нелепейших ошибок» и представляет собою рецензируемая книга. Извращенные пропорции памятников, искаженное отношение архитектуры к обрамляющему ее пейзажу, к окружающей среде, произвольно выхваченные куски скульптуры — все это является плодом вымысла, ухода от реально-объективной природы памятника в область произвольно-субъективного переживания. Это и есть анти-историзм и вместе с тем модернизация, ибо всяческого рода прикрашивание исторически сложившегося явления, субъективно-произвольное его осмысление в действительности сводится к отрицанию этого явления. В. И. Ленин подчеркнул эту особенность западноевропейской науки уже в 1894 г., когда он писал: «нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы»¹.

Вывод напрашивается сам собою. Помочь объяснить даже природу отдельных памятников рецензируемая книга не может, невзирая на некоторые правильные положения, высказанные в пояснительном тексте Дриотоном.

В. В. Павлов

• ЗА УСИЛЕНИЕ БОРЬБЫ С БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ В ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

(По поводу рецензии проф. П. Н. Таркова на журнал Historia, ВДИ, 1952, № 3, стр. 113 слл.)

Советские историки всегда придавали большое значение борьбе с буржуазной историографией. Однако в настоящее время задачи этой борьбы неизмеримо выросли и приобрели особый смысл. В своем замечательном выступлении на XIX съезде партии И. В. Сталин с исчерпывающей полнотой охарактеризовал реакционный характер современной буржуазии. Это гениальное выступление и исторические решения XIX съезда партии ставят перед нами задачу еще более серьезной, еще более непримиримой борьбы с растленной буржуазной идеологией. Одним из важнейших участков борьбы на идеологическом фронте является разоблачение буржуазных фальсификаторов истории. Хорошо известно, что именно в области древней истории буржуазные ученые особенно охотно занимаются фальсификацией и модернизацией, используя события и факты глубокой древности для утверждения незыблемости устоев капитализма.

Советские ученые много сделали для разоблачения антинаучных взглядов и «теорий» буржуазных историков. Так, например, в ВДИ за последние годы опубликован ряд рецензий и обзоров, посвященных критике буржуазной историографии. В них остро и на серьезной научной основе вскрывается реакционная сущность «трудов» буржуазных авторов. Необходимо и в дальнейшем продолжать и всячески развивать эту важнейшую боевую работу.

К сожалению, нельзя сказать, что все в этой работе обходится без ошибок. Такой ошибкой следует считать опубликование на страницах ВДИ статьи проф. П. Н. Таркова, посвященной обзору журнала «*Historia*», выходящего с 1950 г. в Западной Германии.

Что это за журнал и как к нему должен отнестись советский читатель? Автор рецензии проф. Тарков правильно характеризует этот журнал как «космополитический орган в маршаллизованной стране», пытающийся объединить ученых одного «культурного круга». Однако эта в общем правильная характеристика является далеко не полной. Та оценка и критический анализ статей журнала, которые даются в рецен-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137 (примеч.).

зии проф. Таркова, никоим образом не могут удовлетворить советского читателя. Его критика носит объективистский и весьма поверхностный характер; она сводится к критике отдельных, разрозненных положений авторов статей в отрыве от их общей концепции.

Подтвердим этот вывод конкретными примерами и остановимся на рассмотрении тех статей, которые наиболее ярко определяют общее направление журнала.

В первом номере «Historia» помещена статья И. Штрауба «Христианская историческая апологетика в период кризиса римской империи». Проф. Тарков характеризует эту статью следующим образом: «В последней статье первого номера, озаглавленной „Христианская историческая апологетика о кризисе римского государства“ (перевод заглавия неточен.— А. К.), И. Штрауб, анализируя произведения ряда христианских писателей (Амвросия, Августина, Иеронима и др.), приходит к выводу, что Августину „удалось освободить христианство от цепей римской имперской идеологии“ и что, таким образом, он открыл христианской церкви путь, „который ее привел.... в новый мир германских государств и Средневековья“ (стр. 74). По мнению И. Штрауба, такая связь между христианством и германцами не была ясна самому Августину. Несмотря на это, И. Штрауб считает возможным рассматривать всю проблему под этим весьма спорным и неоправданным углом зрения, так сказать „германизации“, христианской идеологии. При этом он, очевидно, впадает в другую, по сравнению с предшествующей антихристианской точкой зрения, крайность» (ВДИ, 1952, № 3, стр. 114).

Данная характеристика никоим образом не может считаться правильной, скрывающей истинный смысл и содержание статьи, а критика — достаточно острой. Штрауб, видящий кризис римской империи, как и Буркхардт, «в действительном обновлении жизни, в мирном уничтожении старого при помощи действительно жизненно-нового», проповедует реакционнейшую «теорию» мирного перехода от одной формации к другой, отрицает значение классовой борьбы, отказывается видеть в кризисе Римской империи кризис рабовладельческого строя. Штрауб восхваляет деятельность церковных писателей типа Блаженного Августина и католическую церковь, которая, якобы, нашла путь спасения и выход из политических затруднений эпохи. Статья Штрауба заканчивается следующей фразой: «после того как Хлодвиг, первый германский князь принял крещение, как католик, был подготовлен путь к объединению обоих миров, заложена основа для образования западного государственного и культурного единства» («Historia», № 1, стр. 81). Таковы основные положения статьи Штрауба. Можно ли оценить эту концепцию Штрауба как «спорную», как это делает П. Н. Тарков? С нашей точки зрения, взгляды Штрауба бесспорно реакционны, поскольку он проповедует возможность мирного перехода от древности к средневековью и превозносит благую роль католической церкви, содействовавшей этому «мирному переходу».

Еще менее может удовлетворить советского читателя разбор проф. Тарковым статьи Г. Э. Штира; помещенной во втором номере «Historia». Проф. Тарков дает глубоко ошибочную и объективистскую оценку этой статье. Это происходит потому, что, беря отдельные цитаты и рассматривая их вне общей связи, изолированно, он упускает из виду главное — общую концепцию Штира. Так, например, излагая в начале своего обзора «основные взгляды» Штира и правильно отмечая, что вся статья написана «с откровенно идеалистических позиций», проф. Тарков тем не менее считает возможным оставить довольно подробный пересказ этих «отправных позиций» автора статьи без всякой критики. Даже антиматериалистический «манифест» Штира, который проф. Тарков цитирует полностью, тоже не вызывает у него никаких критических замечаний. Такой способ изложения враждебных взглядов превращается в их пропаганду.

Но главное даже не в этом. В следующем большом абзаце излагается «конкретный материал статьи» Г. Э. Штира (ВДИ, 1952, № 3, стр. 114 сл.). В конце этого абзаца проф. Тарков делает попытку дать критическую оценку взглядов Штира. Как же выглядит лицо этого чрезвычайно типичного представителя маршаллизованной «науки» в свете критики проф. Таркова?

Штир изображается как этакий благодушный «идеалист», сторонник «культуроведческого принципа периодизации» (П. Н. Тарков, ук. соч., стр. 114), он «увлечен мистицизмом», он грешит склонностью «загущивать острые моменты классовой борьбы в древности» (там же, стр. 115) и сводить «определяющие моменты исторического процесса не к социально-экономическим, а либо к культурным и этническим элементам в расистской их трактовке..., либо к административно-политической сфере (??)». Подобная критика взглядов Штира представляется нам слишком поверхностной, беззубой, идущей не по главной, а по второстепенной линии.

Резкая враждебность взглядов Штира прогрессивной идеологии, материалистическому воззрению на историю совершенно ясна. Цитируемое проф. Тарковым без всякой оценки декларативное заявление Штира о том, что «как бы парадоксально это ни звучало для некоторых людей (für manche Ohren), в действительности не состояние (Stand) создает культуру, а культура создает состояние. Дух строит тело, а не наоборот» («Historia», № 2, 1950, стр. 230), является прямым выпадом против всех тех, кто стоит на позициях материалистического, марксистского понимания истории. Поэтому неудивительно, что при ближайшем знакомстве со статьёй Штира автор ее выступает перед нами не как благодушный «идеалист», каким он выглядит в рецензии проф. Таркова, а как наглый, воинствующий проповедник фашистских и расистских взглядов. Конечно, Штир иногда не прочь прикрыться маской «безобидного» идеалиста, но наша задача как раз и состоит в том, чтобы сорвать эту маску буржуазного академизма и обнаружить под ней истинное лицо врага.

Это возможно сделать, конечно, не путем пересказа «отправных позиций» Штира, но вскрыв сущность этих «отправных позиций», т. е. его концепции. Она, как уже указывалось, состоит в том, что «не состояние создает культуру, а культура создает состояние». Из этого основного тезиса и вытекает то, что проф. Тарков чрезвычайно мягко называет «культуроведческим принципом периодизации», т. е. членение Штиром исторических эпох в зависимости от смены «явлений культуры и духа».

Однако этими положениями концепция Штира далеко не исчерпывается. Это лишь та ее внешняя сторона, критикой которой и ограничивает себя проф. Тарков. Основная политическая направленность концепции Штира становится ясной лишь тогда, когда мы вскрываем, что имеет в виду Штир под понятием «дух». Оказывается, что это не просто некий абстрактный «дух», но кое-что более определенное, а именно «индогерманская сущность» («Historia», № 2, стр. 209), «индогерманская душа» (там же, стр. 210), причём эта «индогерманская душа» совершенно явно и откровенно противопоставляется Штиром, как нечто высшее, всем «восточным варварам», от которых ей была спасена европейская цивилизация (там же, стр. 196, 207, 227). Теперь классовая, политическая сущность концепции Штира становится для нас совершенно ясной. Штир — неразоружившийся проповедник фашистских и расистских взглядов.

Поистине невероятным является тот факт, что критика взглядов Штира английским историком Уолбенком оказывается несравненно более резкой, чем критика советского профессора П. Н. Таркова, поскольку Уолбенк прямо обвиняет Штира в том, что он находится под влиянием фашистской идеологии (там же, стр. 210, прим. 14). Проф. Тарков хоть и упоминает «полемику» между Штиром и Уолбенком, но он явно не понял ее смысла, как не понял и фашистской сущности взглядов Штира.

Не сумев разобраться в откровенно враждебной статье Штира, проф. Тарков оказался тем более беспомощным при анализе статьи английского буржуазного историка Г. Т. Гриффиса, в которой классовые позиции автора завуалированы гораздо более тщательно.

Проф. Тарков весьма подробно излагает содержание статьи Гриффиса «Союз Коринфа и Аргоса», помещенной во втором номере «Historia». Однако это изложение тоже выдержано в объективистском духе, критические же замечания проф. Таркова являются чрезвычайно робкими и бьют мимо цели.

Общий упрек, который делает Гриффису автор рецензии и с которого он начинает разбор статьи, состоит в том, что союз Аргоса и Коринфа рассматривается Гриффисом с «сугубо дипломатической точки зрения». Кроме того Гриффис упрекается еще в том,

что он недостаточно учел «внутренние противоречия в самом Коринфе», в том, что союз Аргоса и Коринфа трактуется им как «обычная исполития». Гриффис искусственно «смягчает» обстановку, для того чтобы «снять возможность революционного решения вопроса». Для этой же цели, по мнению проф. Таркова, Гриффис «прибегает к примеру по аналогии (!?)», напоминая о предложении Черчилля Франции в 1940 г. войти в состав «Британского содружества наций». В эпически спокойном изложении проф. Таркова правомерность подобной грубо-модернисткой аналогии даже не оспаривается, не подвергается даже малейшему сомнению.

Затем проф. Тарков переходит к изложению того, как трактуется Гриффисом проблема «империализма». Скажем от себя, что это действительно центральное место в статье Гриффиса, критический анализ которого дает возможность полностью вскрыть политические установки всей статьи. Как же вскрывает эти политические установки Гриффиса проф. Тарков? Проф. Тарков пишет: «Поэтому столь же своеобразно (!?) излагает в заключении своей статьи Гриффис и проблему „империализма“ в древности, как стремление к завоеванию не столько территорий, сколько гражданских прав завоеванных государств. Для доказательств своего положения автор приводит в пример отношения между Римом и Италией, когда, по его мнению, мощь Рима была создана именно таким объединением гражданства в единое целое, что и „нашли Пирр и Ганнибал“ (стр. 256). Как известно, источники говорят иное и о принципах объединения Италии с Римом; они были далеко не бескорыстными, равно как реакция населения Италии в годы Пирровой и Ганнибаловой войн совсем не свидетельствовала о монолитности рабовладельческого Рима» (ВДИ, 1952, № 3, стр. 116).

Приведенная цитата достаточно ярко свидетельствует о том, что основная политическая установка Гриффиса в вопросе об империализме остается не разоблаченной (она лишь оценивается как «своеобразная») и проф. Тарков, обходя этот главный вопрос, полемизирует с Гриффисом по второстепенным и частным моментам.

О чем же на самом деле говорится в заключительной части статьи Гриффиса? Гриффис развивает здесь теорию некоего «конструктивного империализма» (см. «Historia», № 2, стр. 255). Примером его и является аргосская инкорпорация Коринфа, про которую Гриффис говорит, что было бы ошибочно считать ее «образцом обычного грубого империализма» (там же, стр. 254). Этот «конструктивный империализм» Гриффис резко отличает от «империализма» Спарты и Мессении или Афин эпохи расцвета, но он близок «методам римской республики в Италии», методам, которые вызвали «всеобщее восхищение» (там же, стр. 256). Суть этого империализма, вызывающего «всеобщее восхищение», состоит в том, что «присоединять граждан важнее, чем присоединять территорию или города» (там же). В этом и заключается основная политическая установка Гриффиса, причем она применяется им не только к «проблеме „империализма“ в древности», как то наивно полагает проф. Тарков, но именно под этим углом зрения и рассматривает Гриффис пресловутое предложение Черчилля об «инкорпорации» Франции (там же, стр. 250).

Политическая направленность теории «конструктивного империализма» Гриффиса совершенно ясна: путем беззастенчивой модернизации древней истории оправдать политику современного английского империализма, который, таким образом, не должен считаться обычным грубым империализмом, но империализмом «конструктивным», способным вызвать лишь «всеобщее восхищение».

Всего этого не понял и не заметил проф. Тарков. Апология британского империализма, составляющая политический стержень статьи Гриффиса, осталась неразоблаченной. Именно поэтому разбор статьи Гриффиса в рецензии проф. Таркова следует признать объективистским и поверхностным.

В отношении ряда других статей журнала «Historia» П. Н. Тарков вообще ограничивается только их изложением, без каких-либо критических замечаний.

Совершенно недопустима и заслуживает самого резкого осуждения попытка проф. Таркова отослать советского читателя к рецензиям, помещенным в журнале «Historia» и, в частности, к рецензии на книгу Ростовцева. Проф. Тарков невозмутимо указывает: «В довольно обширных отделах рецензий во всех трех номерах журнала совет-

ский читатель найдет (sic!) разбор известных ему книг Ростовцева, Сайма, Тейлор, получивших уже соответствующую оценку в нашей печати» (там же, стр. 118). Да, конечно, эти книги, в особенности книга белоэмигранта Ростовцева, подверглись суровой и справедливой критике советских историков. Но зачем же тогда, как это делает проф. Тарков, отсылать советского читателя к рецензиям в журнале *Historia*? Недопустимость подобных действий проф. Таркова становится ясной, если учесть, что рецензия на книгу Ростовцева написана немецким фашистским историком Фогтом и представляет собой панегирик работы Ростовцева, причем по вполне понятным причинам Фогт с особым удовлетворением отмечает антимарксистскую направленность книги Ростовцева. Что же, с позволения сказать, может «найти» для себя советский читатель в этих рецензиях, к которым отсылает его проф. Тарков, кроме враждебных выпадов и злостной фальсификации истории?

Рецензия проф. Таркова не вооружает советского читателя для борьбы с растлепной буржуазной идеологией, но способна лишь его дезориентировать и поэтому является вредной.

А. Кац

H. BENGTSON, Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die Römische Kaiserzeit, München, 1950, XVI+592 стр., 12 карт.

В серии «Handbuch der Altertumswissenschaft», основанной И. фон Мюллером и продолженной В. Отто, вышел том, посвященный истории древней Греции. Этот том написан мюнхенским историком Г. Бенгтсоном. Его работа должна по замыслу представлять справочное издание, отражающее современное состояние науки по данному вопросу, и предназначена заменить вышедшую в той же серии в 1914 г. известную имеющуюся и в русском переводе книгу Р. Пельмана.

Книга Бенгтсона значительно расширена в сравнении с работой Пельмана; это расширение коснулось прежде всего древнейшей Греции, по истории которой накоплен теперь новый обширный материал. Значительно — почти в два раза — увеличен раздел, посвященный эллинизму; наконец, введен новый раздел, освещающий историю греческого мира в составе Римской империи. Что же касается истории Греции в период становления полиса — автор называет этот период эпохой великой колонизации — и его расцвета, — то раздел этот несколько сокращен. Таким образом, эпоха классической Греции, которая занимала центральное место в пособии 1914 г., теперь отошла на второй план: основное внимание современного буржуазного ученого привлекает период поглощения полиса большими централизованными монархиями.

Конечно, это обстоятельство в известной степени может быть объяснено субъективными интересами автора и расширением круга источников по истории эллинизма в связи с новыми публикациями папирологического материала; но одним этим, мне думается, нельзя объяснить то увеличение интереса к истории эллинизма и Римской империи, которое мы наблюдаем в современной буржуазной науке и которое отражено также и в рецензируемой книге. Буржуазная историография, начавшая с идеализации греческого демократического полиса, уже в конце прошлого столетия пришла к его критике и, чем дальше, тем в большей степени выдвигает в качестве образца крупные монархии античности. Мы увидим, как эта тенденция отразилась и в концепции Бенгтсона.

Изредка автор делает довольно интересные наблюдения по поводу отдельных моментов; он обращает внимание на своеобразие исторической географии Балканского полуострова, отмечая, что все относительно крупные греческие государства (Фессалия, Аттика, Арголида, Спарта) сложились на востоке Греции (стр. 73). Бенгтсон, правда, ограничивается только констатацией этого факта и не дает ему объяснения; во всяком случае это обстоятельство показывает, что невозможно выводить характер древнегреческих городов-государств из одних только орографических условий, как это нередко делается: определенные хозяйственные и социальные